

Укрощение строптивого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Натали Ян

18+

Натали Ян

Укрощение строптивого

«Автор»

2026

Ян Н.

Укрощение строптивого / Н. Ян — «Автор», 2026

Когда двери в родной мир закрыты, тебе приходится приспосабливаться к жизни в новом. Постепенно, слыша разрозненные разговоры и сплетни, ты понимаешь, где оказалась, но лезть на рожон совершенно не хочешь. Ты предпочитаешь тихую, но комфортную жизнь на окраине заброшенного города. Но когда к твоему порогу приходит компания из слепого даоса, девочки-попрошайки и почти трупа одного маньяка, ты понимаешь — тихой твоя жизнь точно не будет. И тогда ты берешь судьбу в свои руки.

© Ян Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Ветер из чужого края	5
Шелк, полынь и сталь.	7
Законы гостеприимства	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Натали Ян

Укрощение строптивого

Пролог: Ветер из чужого края

Сырой, промозглый туман региона Шудун не просто полз по каменистым тропам — он лип к коже, въедался в подол чужого, непривычно многослойного ханьфу и пах лежалой соломой, сырым деревом и дешевыми погребальными благовониями.

Город И встречал незваных гостей своим привычным, серым и недружелюбным лицом.

Наталя Владимировна Кузнецова — а для этого туманного мира теперь **Тэ Сяньпин** — остановилась у покосившейся деревянной арки на въезде, поправляя широкие поля бамбуковой шляпы-доули.

Плотная белая вуаль опустилась до самой груди, надежно отсекая её от чужих взглядов. И на то были веские причины. Под легкой тканью скрывалось лицо, способное вызвать у местных жителей слишком много опасных вопросов.

Её фарфорово-светлая кожа с живым, мягким розовым подтоном и пронзительные, стального оттенка светло-серые глаза совершенно не походили на лица изнуренных вечной сыростью обитателей этих мест.

Тяжелая, роскошная коса темно-русого цвета длиной до самой талии была аккуратно свернута в высокий узел и заколота простой деревянной шпилькой, не выдавая своей истинной длины.

Даже фигуру Наташа была вынуждена прятать: свободный крой темных одежд полностью скрывал миниатюрное телосложение и пропорциональную, точеную фигуру «песочные часы» при росте метр шестьдесят пять. Тонкая талия, надежно спрятанная под широким поясом, создавала обманчивое впечатление хрупкой, незащищенной девицы, которой на самом деле Наталя никогда не являлась.

Беззащитной Наташа не была. В её багаже, помимо вынужденного китайского псевдонима, значился диплом практикующего хирурга, жесткая закалка городских дежурств в приемном покое и детство, проведенное в глухой русской деревне у бабки-знахарки.

Бабка научила её всему, что должна знать хозяйка: как обращаться со скотом, как выращивать привередливую культуру на скудной земле и как держать в идеальном порядке собственный дом. Однако главным наследством покойной бабки был её второй, тщательно скрываемый статус. Бабка была ведьмой.

Именно поэтому в потайном кармане на поясе Наташи сейчас глухо звякал мешочек с вырезанными на гальке скандинавскими и славянскими рунами, а под подкладкой лежала самодельная колода Таро, нарисованная на плотной рисовой бумаге.

Она знала, как читать чужие судьбы, как накладывать порчу и как снимать самый застарелый сглаз. Но этот нюанс двадцатичетырехлетняя Наташа держала в строжайшем секрете, дав себе зарок: применять ведовство только в самых крайних, безвыходных случаях.

В мире, где господствовала понятная местным заклинателям магия Инь-Ян, её славянское чернокнижие сочли бы опасной, богомерзкой ересью быстрее, чем весь путь тьмы.

Её появление в Городе И было тихим, но фундаментальным. Ровно за два месяца до того, как на этих безлюдных улицах завяжется мертвый узел каноничной трагедии, Наташа столкнулась на рыночной площади со старостой города.

Старик Цуй буквально загибался от запущенного, гнойного воспаления, с которым местная традиционная медицина бороться не умела, уповая лишь на волю предков.

Наташа среагировала мгновенно, чисто по-хирургически. Используя очищенный на огне нож, заваренные антисептические травы и твердую руку, она хладнокровно вскрыла очаг, вычистила рану и наложила аккуратные, плотные швы, отпоив старика сильными противовоспалительными отварами.

Протрезвевший от боли и безмерно благодарный староста Цуй не знал, как расплатиться со своей спасительницей. Свободных денег в бедном Городе И почти не водилось.

— Лекарь Тэ, — хрипел старик, кланяясь ей чуть не до земли, пока она затягивала чистый бинт на его поясице. — У нас на самом отшибе, у подножия скал, уже полгода как пустует старый домик. Прежний лекарь, что жил там, преставился к предкам в начале весны, и с тех пор жилье сиротеет. Дом крепкий, при нём и аптекарская лавка есть, и солодка для хранения трав. Поселяйтесь там, дева Тэ! Денег с вас никто не возьмет, а городу живой лекарь нужнее покойного.

Наташа согласилась без колебаний. Едва тяжелые ворота заброшенной лекаревой усадьбы закрылись за её спиной, она скинула шляпу-доули и оглядела свои новые владения.

Вокруг пахло вековой пылью, сыростью и сухими корнями. Работы предстояло много: вытравить мышей, отмыть полы, разбить грядки под лекарственные травы, наладить скромный быт и незаметно выжечь на внутренней стороне дверных косяков рунические вязи на защиту и отвод глаз, чтобы бродячие мертвецы обходили её дом по дуге.

Впереди у неё было время абсолютной, напряженной рабочей тишины. Ей только предстояло пустить корни в эту чужую сырую землю, приручить местных бродячих кошек и надежно обустроить свой тихий форпост на окраине. Скрывая под вуалью чужеродную внешность и опасные ведовские тайны, она день за днем обживала заброшенный лекарев дом, прекрасно понимая, что в этой глуши тишина обманчива, а её медицинские и скрытые магические навыки рано или поздно станут главным щитом против того, что готовила судьба. Время пошло. Колесо истории сделало свой первый, необратимый оборот.

Шелк, полынь и сталь.

Густой, как парное молоко, туман Шудуна привычно полз по горной тропе, цепляясь за подол серого ханьфу Наташи. Позади нее, уныло перебирая копытами, плелся осел. Корзины по бокам животного были доверху забиты свежесобраным диким имбирем, корнями дудника и стеблями горной полыни.

Наташа шла, придерживая рукой край бамбуковой шляпы-доули. Плотная вуаль надежно скрывала и ее светло-серые глаза, и легкую усмешку циничного медика.

За те месяцы, что она провела в этом мире, Наташа успела наслушаться сплетен на постоялых дворах и давно поняла, куда именно её занесло. Магистр, ордена, зомби... Канон она знала неплохо, но становиться героиней чужой драмы или бегать по кланам с криками «Я знаю будущее!» не собиралась.

Ее устраивала тихая жизнь лекаря на окраине.

Вдруг впереди, сквозь пелену тумана, послышались голоса. Наташа придерживала осла и прищурилась.

Прямо по центру дороги шли двое. Высокий, тонкий заклинатель в белоснежных одеждах с даосской метелкой за спиной и мечом, обернутым в ткань. Его глаза закрывала белая повязка. Сяо Синчэнь. Рядом с ним, забавно стуча бамбуковым шестом по камням, семенила растрепанная девчонка в лохмотьях. А-Цин.

Наташа замедлила шаг, наблюдая за ними.

Живая фэнтези-адаптация разворачивалась прямо перед ее глазами. Девчонка яростно вращала белками глаз, высматривая дорогу, но стоило даосу повернуться в ее сторону, как она тут же принимала отсутствующий вид профессиональной слепой.

«Актёрская игра на грани Оскара», — мысленно хмыкнула Наташа, решив аккуратно обойти эту парочку. Она не хотела привлекать к себе внимания.

Но канон настиг их всех одновременно.

А-Цин резко замерла, едва не растянувшись на дороге, и истошно закричала:

— Гэгэ! Гэгэ, стой! Там... там в канаве человек! Мертвый! Точно мертвый, мамочки!

Сяо Синчэнь тут же изменился в лице. Он мгновенно бросился вперед, ориентируясь на крик девочки, и опустился на колени у обочины, нащупывая руками чужое тело.

Наташа невольно остановилась в паре метров от них. Любопытство хирурга и ведьмы перевесило осторожность. Она заглянула через плечо даоса в глубокую, заросшую колючим бурьяном канаву.

Там, свернувшись калачиком, лежал молодой парень в темных, изодранных одеждах. Лицо в грязи и копоти, бледное, как мел, губы искусаны в кровь. Из-под лохмотьев виднелись страшные, глубокие рваные раны — следы безжалостных ударов мечом. Но сильнее всего Наташу полоснуло по ее скрытому ведовскому чутью. От этого парня разило такой концентрированной, удушливой темной энергией, злобой и застарелым проклятием, что защитная руническая вязь, вышитая с изнанки на ее поясе, ощутимо нагрелась, предупреждая покаявая кожу.

«Сюэ Ян», — мгновенно поняла Наташа. Злой гений, психопат и кузнец человеческих несчастий лежал в грязи без сознания.

— Он жив? Он живой?! — паниковала А-Цин, превосходно изображая слепой испуг, хотя сама во все глаза разглядывала раненого.

— Жив... но очень слаб. Пульс едва прощупывается, — голос Сяо Синчэня дрожал от сострадания. Он отчаянно пытался приподнять бесчувственное тело, но Сюэ Ян, несмотря на юный возраст, был рослым парнем и весил прилично. Даос, тратящий остатки духовных сил на его поддержание, явно не справлялся.

— Нужно отнести его в город. Одному мне не дотащить его, не растревожив раны...

В этот момент Сяо Синчэнь резко вскинул голову. Белая повязка на его глазах повернулась точно в сторону Наташи. Несмотря на слепоту, как заклинатель высокого уровня, он обладал феноменальным слухом — шаги осла и тихое дыхание девушки он уловил сразу.

— Кто здесь? — мягко, но призывно спросил даос. — Извините, я чувствую, что вы рядом. Пожалуйста, если у вас есть телега или вы можете помочь... Этот человек умирает. Ему нужна помощь.

Наташа замерла под его «взглядом». В ее голове за секунду пронеслась тысяча мыслей.

«Если я сейчас пройду мимо, канон пойдет своим чередом. Сяо Синчэнь все равно притащит его в город И, они поселятся в похоронном доме, и через несколько лет наступит филиал ада. Но если я помогу... я впущу это чудовище к себе на окраину. С другой стороны, я хирург. И я знаю, как его лечить, а главное — как за ним присматривать».

Наташа глубоко вздохнула под вуалью, скользнула пальцами по мешочку с рунами на поясе, нащупав гальку с руной Иса — льда и сдерживания. «Ладно. Поиграем».

Она сделала шаг вперед, ведя осла за уздечку. Ее голос, когда она заговорила на местном наречии, прозвучал спокойно, чуть хрипловато и абсолютно деловито — так говорят врачи, принимающие тяжелого пациента в приемном покое:

— Я местный лекарь, Тэ Сяньпин. Успокойтесь, почтенный даос. У меня есть осел. Помогите мне перевалить раненого через седло, корзины с травами я понесу сама. Мой дом на окраине города И, до него ближе всего. Если мы не остановим кровотечение в ближайшие полчаса, ваш подопечный действительно отправится к предкам.

Сяо Синчэнь заметно выдохнул, на его лице появилась благодарная, чистая улыбка:

— Спасибо вам, дева Тэ. Вы очень добры.

А-Цин сощурилась, подозрительно разглядывая плотную вуаль Наташи, но промолчала, понимая, что без этого лекаря и ее осла им придется бросить незнакомца в канаве.

Вдвоем с Сяо Синчэнем они аккуратно вытащили хладнокровного убийцу из грязи. Когда Наташа перехватила Сюэ Яна за плечи, ее пальцы профессионально отметили характер повреждений, а внутренний голос ведьмы ехидно шепнул: «Ну привет, Сюэ Чэнмэй. Добро пожаловать на прием к русскому хирургу».

Дорога до дома Наташи тянулась невыносимо долго. Туман сгустился, превращаясь в липкую, холодную изморозь. Перекинутый через седло осла Сюэ Ян хрипел на каждом ухабе, а из его ран на землю глухо шлепали тяжелые багровые капли.

А-Цин семенила следом, подозрительно косясь на укутанную в вуаль Тэ Сяньпин, а Сяо Синчэнь шел рядом, придерживая раненого за плечо, чтобы тот не сполз в грязь.

Едва они добрались до окраины, Наташа толкнула ногой калитку своего дома. Здесь, под защитой скрытых рунических вязей на косяках, воздух казался чище и суше, а бродячие кошки, дремавшие на крыльце, при виде Сюэ Яна мгновенно вздыбили шерсть и с шипением бросились врассыпную. Животные первыми почуяли зверя.

— Сюда, в операционную... то есть в приемную, — скомандовала Наташа, открывая дверь. — Кладите его на большой деревянный стол у окна. Почтенный даос, девочка, оставайтесь в сенях. Мне нужно работать, а вы занесете грязь.

Сяо Синчэнь послушно кивнул и увлек за собой недовольно бурчащую А-Цин. Наташа заперла за ними дверь, скинула шляпу-доули с вуалью и решительно закатала рукава ханьфу. Перед ней лежал не грозный каноничный злодей, а тяжелый пациент с острой кровопотерей и травматическим шоком. В Наташе мгновенно проснулся циничный, хладнокровный хирург.

Наташа зажгла несколько масляных ламп, заливая стол ярким светом. Зрелище было жутким. Лицо парня было жестоко изрезано: глубокий рваный мазок шел от виска через всю щеку, едва не задев глаз, губы были разбиты, кожа покрыта копотью и засохшей коркой.

Чтобы добраться до остальных повреждений, Наташе пришлось взять тяжелые ножницы и буквально срезать с него изодранные, пропитанные кровью и грязью слои темных одежд. С каждым срезанным куском ткани картина становилась все мрачнее. На груди и животе зияли колотые и рубленые раны от мечей. Некоторые были настолько глубокими, что чудом не задели жизненно важные органы — парня спасла только его невероятная выносливость и, видимо, остатки темной энергии.

Сюэ Ян внезапно задергался, из его горла вырвался глухой, свистящий стон. Его лихорадило.

— Тихо ты, смертник, — сквозь зубы процедила Наташа. Она достала из шкафчика глиняную бутылку с густой, темной настойкой на головках дикого горного мака — жесткий аналог медицинского опийного наркоза, который она сварила по бабкиным рецептам.

Сжав челюсти парня, она профессиональным движением влила ему в рот щедрую дозу сиропа. Через несколько минут Сюэ Ян обмяк, его дыхание выровнялось, а зрачки под приоткрытыми веками сузились в точки. Наркоз подействовал.

Наташа действовала четко и быстро, как в родной операционной.

Первым делом она тщательно промыла все раны крепким, обжигающим спиртовым настоем на корне дудника и полыни, который работал как мощный антисептик.

Затем, вооружившись пинцетом, она принялась кропотливо извлекать из глубоких порезов нитки от одежды, кусочки земли и мелкие осколки камней.

Сюэ Ян в это время лишь изредка дергал пальцами рук, и именно в этот момент Наташа заметила, что на одной из его ладоней не хватает мизинца. Завершив чистку, она вдела в изогнутую иглу прочную шелковую нить, предварительно вымоченную в обеззараживающем растворе, и начала послойно сшивать раны на торсе.

Ровные, плотные стежки ложились один за другим, пока внутренний голос хирурга привычно отсчитывал узлы.

К лицу Сюэ Яна Наташа отнеслась с особой бережностью, ведь оставлять парню уродливые шрамы на всю жизнь ей не позволяла профессиональная гордость.

Достав самую тонкую иглу, она начала накладывать особый косметический шов — внутрикожный, непрерывный, аккуратно сопоставляя края разорванной плоти на щеке, чтобы после заживления осталась лишь едва заметная, тонкая ниточка.

Закончив шить, она щедро смазала все швы густой, зеленоватой мазью на основе окопника, живицы и зверобоя, которая отлично снимала воспаление и ускоряла регенерацию клеток.

После этого Наташа туго забинтовала его грудную клетку и плечи чистыми холщовыми полосами, аккуратно наложила повязку на лицо и укрыла парня до самого подбородка тяжелым ватным одеялом, чтобы уберечь от озноба.

Весь процесс занял больше двух часов. Наташа тяжело выдохнула, утерла пот со лба тыльной стороной руки и посмотрела на спящего пациента. Лицо Сюэ Яна в капюшоне из бинтов выглядело обманчиво невинным и молодым.

Умыв руки и лицо, Наташа снова накинула на голову доули, опустила вуаль и вышла в сени к томящимся в ожидании гостям. Сяо Синчэнь тут же поднялся со скамьи, обратив к ней свое закрытое повязкой лицо. А-Цин, сидевшая в углу, наострила уши.

— Дева Тэ, как он? — в голосе даоса звучала искренняя тревога.

Наташа устало прислонилась к косяку двери, скрестив руки на груди.

— Я сделала все, что могла, почтенный даос, — спокойно, без лишних прикрас ответила она.

— Очистила раны, зашила, обработала мазями. Но он потерял слишком много крови, а раны были глубокими. Теперь все зависит от воли предков и от того, насколько силен его

собственный организм. Если переживет эту ночь и лихорадка не сожжет его изнутри — будет жить.

Сяо Синчэнь облегченно вздохнул и глубоко поклонился, сложив руки перед грудью:

— Ваша милость безгранична. Клань заклинателей... — он на секунду запнулся, словно вспомнив о насквозь прогнившей политике орденов, из-за которой этот парень и оказался изрублен в канаве, и мягко исправился: — Мир смертных держится на таких людях, как вы. Этот путник обязан вам жизнью.

Наташа под вуалью понимающе прищурилась. Она прекрасно знала, о каких «кланах» подумал чистый душой даос, и какая чертовщина сейчас творится в Башне Кои. Но вслух ничего не сказала. Ей, как хирургу, было плевать на их разборки, пока пациент на ее столе дышит.

Она перевела взгляд на А-Цин, которая откровенно скучала в углу и тихонько ковыряла бамбуковым шестом половицу, незаметно косясь на сушащиеся под потолком пучки трав.

— Ночь будет долгой, — добавила Наташа, проходя к очагу, где на углях уютно закипал глиняный чайник. — Очнуться он может под утро, а может и через сутки — настойка мака, которую я ему дала, очень крепкая. Если вы хотите дождаться, пока раненый придет в себя, предлагаю выпить горячего чаю. У меня есть свежий сбор с горной мятой и чабрецом, он хорошо согревает в такой туман.

Она достала три простые глиняные пиалы и налила ароматный, дымящийся напиток, от которого по сеним поплыл родной, успокаивающий запах детских сказок ее бабки-знахарки.

Законы гостеприимства

Чай приятно обжигал пальцы. В сенях аптекаря дома было тихо, лишь за окном шуршал липкий горный туман да угли в очаге лениво потрескивали, отдавая последнее тепло.

Сяо Синчэнь пил маленькими, аккуратными глотками, держа пиалу обеими руками с неизменным даосским изяществом. А-Цин сидела рядышком на скамье, демонстративно дула на горячую воду и краем глаза изучала скромную обстановку.

Эту уютную тишину бесцеремонно нарушил громкий, раскатистый звук — у девочки отчаянно и требовательно забурчало в животе.

А-Цин мгновенно сжалась, обхватила себя руками за талию и смущенно застучала бамбуковым шестом по полу, пытаясь замаскировать конфуз. Сяо Синчэнь мягко, виновато улыбнулся:

— Простите, дева Тэ. Мы в спешке совсем забыли про обед.

Под плотной вуалью доули Наташа тепло, по-доброму усмехнулась. Сработала истинно русская гостеприимная натура, привитая бабушкой в деревне: голодным из ее дома никто не уйдет.

— Раз уж гости с дороги и голодны, я как хозяйка обязана о вас позаботиться, — спокойно проговорила она, поднимаясь со скамьи. — Посидите пока, согрейтесь.

Наташа прошла на небольшую кухню, отделенную от сеней плотной занавесью. Скинув шляпу, чтобы та не мешала у огня, она скоро принялась за дело. Движения ее были уверенными, чисто хозяйскими. Она зачерпнула из ларя белого риса, тщательно промыла его колодезной водой и засыпала в чугунный котелок, водрузив его над пламенем.

Пока рис весело булькал, Наташа занялась своим «особым» пациентом. Сюэ Яну одних швов было мало, внутри у него наверняка всюду разгорался воспалительный процесс.

Она достала глиняную пиалу с серовато-зеленым порошком из корней и целебных трав, который дотошно перетерла в ступке еще вчера вечером. Это был ее личный, проверенный годами аналог мощного противовоспалительного и жаропонижающего антибиотика. Залив смесь кипятком, Наташа тщательно размешала пахучее, горькое варево и отставила его на дальний край полки — остывать к моменту, когда парень зашевелится.

Минут через двадцать по дому поплыл аппетитный, сладковатый аромат свежесваренного риса.

Наташа подхватила тяжелое деревянное блюдо и вернулась к гостям. Поправив вуаль, она уверенными движениями расставила на столе чистую глиняную посуду и бамбуковые палочки.

— Угощайтесь, — сказала она, выкладывая горкой исходящий паром белоснежный рис.

Рядом она поставила простые, но сытные закуски, которыми в благодарность за лечение накануне ее угостили местные жители: пиалу с хрустящими пряными стрелками чеснока, соленые ферментированные побеги бамбука и тарелку с вяленым горным мясом, нарезанным тонкими ломтиками. Для небогатого Города И это был поистине роскошный ужин.

А-Цин, учуяв запах еды, едва не забыла, что она «слепая» — ее нос смешно сморщился, а пальцы сами потянулись к палочкам, хотя она вовремя спохватилась и сделала вид, что нащупывает их на столе. Сяо Синчэнь еще раз благодарно склонил голову перед Тэ Сяньпин, восхищенный добротой незнакомой целительницы.

Сяо Синчэнь еще раз глубоко, с истинным благородством поклонился, сложив руки перед грудью. На его лице играла мягкая, тронутая до глубины души улыбка.

В мире заклинателей, привыкшем к роскоши и высокомерию великих орденов, такое простое, искреннее бескорыстие от деревенского аптекаря было редким сокровищем.

— Дева Тэ, ваша щедрость и забота спасают нас уже дважды за этот вечер, — негромко, но очень тепло произнес даос. — Мы пришли к вам незваными, принесли с собой тяжелую

ношу, а вы не только взяли за лечение безнадежного раненого, но и делитесь с нами своим кровом и пищей. Моя благодарность не знает границ.

Наташа, стоявшая у края стола и поправлявшая бамбуковые палочки, тихонько усмехнулась под плотной тканью своей вуали. Ей вспомнился родной дом, бабушка, деревянная изба и то, как на Руси всегда встречали любого путника — сначала накорми, в баньке помой, а уж потом расспрашивай.

— Не стоит благодарностей, почтенный даос, — спокойно ответила она, и в ее голосе прозвучала гордость за свои корни. — Законы гостеприимства на моей далекой родине чтятся как священные. У нас говорят: кто бы ни постучался в твою дверь в непогоду — раздели с ним последний кусок хлеба и дай тепла. Приступайте к еде, пока все не остыло. Туман сегодня на улице слишком злой, вам нужно восстановить силы.

Ужин проходил в уютном, почти домашнем молчании, прерываемом лишь тихим стуком бамбуковых палочек о глиняные пиалы.

Сяо Синчэнь ел неторопливо и очень аккуратно, феноменально точно ориентируясь в пространстве на слух и по запаху, словно повязка на глазах совершенно ему не мешала. Он брал понемногу риса, аккуратно подхватывал палочками пряные стрелки чеснока и искренне наслаждался простым, но сытным вкусом домашней еды.

А-Цин же времени зря не теряла. Стоило даосу отвернуться, как девчонка, напрочь забыв про свою «слепоту», молниеносно ураганом прошлась по тарелкам. Она с поразительной скоростью набивала щеки белоснежным рисом, ловко таскала самые сочные ломтики вяленого горного мяса и хрустела бамбуком так, что за ушами пищало. Пару раз она ловила на себе скрытый под вуалью, пронизательный взгляд светло-серых глаз Наташи. А-Цин на секунду замирала, подозрительно прищуривалась, словно пытаясь разгадать, что за хозяйка им попала, но голод перевешивал, и она снова принималась за еду, смешно раздувая щеки.

Наташа сидела чуть поодаль, пригубливая остывающий мятный чай. Она смотрела на эту парочку и думала о том, какая хрупкая идиллия сейчас царит в ее доме. Сытые, согретые люди, аромат трав... А за стеной, на деревянном столе, укрытый тяжелым одеялом, спал тот, кто через несколько лет должен будет уничтожить этот хрупкий мир.

Наташа как раз подносила пиалу с мятным чаем к губам, когда ее рука на секунду замерла в воздухе. Сквозь плотную ткань занавеса, отделяющего кухню от операционной, донесся едва различимый, глухой звук. То ли протяжный, болезненный стон, то ли тяжелый шорох ворочающегося тела.

А-Цин, со свистом жевавшая побег бамбука, застыла с набитыми щеками. Сяо Синчэнь медленно опустил палочки на край пиалы, его чуткое ухо уловило это мгновенно.

Через секунду звук повторился — на этот раз более отчетливо. Сюэ Ян хрипло, надсадно выдохнул, и послышался скрип ножки тяжелого деревянного стола.

Наташа плавно повернула голову в сторону смежной комнаты. Опыт хирурга подсказал диагноз точнее любых приборов.

— Все-таки началась у него лихорадка, — негромко, но твердо констатировала она, поднимаясь со скамьи. — Организм борется, токсины пошли в кровь. Прошу меня извинить, пойду проверю больного.

Сяо Синчэнь тоже поднялся, на его лице отразилось сильное беспокойство. Он до последнего надеялся, что раненому станет легче.

— Дева Тэ, если нужна будет помощь — поддержать его или принести воды — только скажите. Я здесь, — мягко, но решительно произнес даос.

— Сидите, почтенный даос, вам лучше не мельтешить, — Наташа привычно осадила его врачебным тоном. — Я справлюсь.

Она подхватила с полки остывшую пиалу с горьким серовато-зеленым отваром антибиотика, отодвинула занавеску и скользнула в операционную.

В комнате было жарко. Сюэ Ян метался по столу, тяжело и прерывисто дыша. Тяжелое ватное одеяло уже наполовину сползло на пол. Парень бредил: его голова в повязках дергалась из стороны в сторону, губы высохли и потрескались, а на бледных щеках горел нездоровый, пугающий румянец. Из его рваного дыхания вылетали обрывки каких-то злых, бессвязных слов, хриплый шепот и сдавленный, безумный смех.

Наташа прислушалась, готовая в любой момент зажать ему рот. *«Благо боги миловали»*, — с облегчением подумала она, уловив лишь невнятную ругань и обрывки детских воспоминаний о каком-то сладком сиропе и дорожной грязи.

Ничего такого, что могло бы выдать его настоящую личность или связать с убийством клана Чан перед сидящим в соседней комнате Сяо Синчэнем, он не бормотал. Просто испуганный, обозленный, умирающий мальчишка.

Но метался он опасно. Еще пара таких резких движений — и ювелирный косметический шов на щеке треснет, а повязки на груди пропитаются свежей кровью.

— А ну лежать, кому сказано, — прошипела Наташа по-русски, теряя всякий восточный церемониал.

Она рванулась вперед, поставив пиалу на край стола. Несмотря на свое миниатюрное телосложение, Наташа обладала крепкой хваткой деревенской девчонки и твердостью практикующего врача.

Она навалилась на Сюэ Яна сверху, жестко прижимая его здоровое плечо и бедра к деревянной поверхности стола, фиксируя его так, чтобы он не мог пошевелиться и растрезвожить свежие швы.

Сюэ Ян под ее руками дернулся, глухо зарычал, попытался выкрутиться, но маковый наркоз и слабость от кровопотери связали его по рукам и ногам. Наташа перехватила его пальцами за подбородок, бесцеремонно и сильно надавив на челюстные суставы, заставляя парня открыть рот.

— Пей, смертник. Живее, — скомандовала она на местном наречии.

Свободной рукой она подхватила пиалу и уверенным, точным движением влила горькое, пахнущее полынью и дудником лекарство прямо ему в горло, следя за тем, чтобы он не захлебнулся и послушно сделал глоток. Сюэ Ян судорожно сглотнул, закашлялся, но целебное варево потекло внутрь, готовое уже через полчаса начать сбивать смертоносный жар.

Она удерживала его еще пару минут, пока парень окончательно не затих, обессиленный борьбой, и его голова снова тяжело не упала на подушку.

Наташа аккуратно расправила тяжелое ватное одеяло, натягивая его до самого подбородка Сюэ Яна, чтобы уберечь того от озноба. Парень глубоко вздохнул во сне, целебный отвар трав начал действовать, постепенно успокаивая мечущееся тело. Наташа вернула на место шляпу-доули, привычным жестом опустила плотную вуаль и плавным шагом вышла в сени к гостям.

— Жар сильный, но лекарство я в него влила, — спокойно проговорила она, присаживаясь обратно к столу и пододвигая к себе пиалу с остывшим чаем. — Сейчас он заснул более глубоким сном. Если до утра подушка останется сухой и лихорадка не вернется с новой силой, парень пойдет на поправку. Нам остается только ждать.

Сяо Синчэнь облегченно опустил плечи. На его лице отразилась глубокая, тихая грусть, скрытая за белой шелковой повязкой. Словно слова о борьбе за жизнь раненого незнакомца всколыхнули в его собственной душе тяжелые, болезненные воспоминания о прошлом, которые он носил в себе уже много лет.

С тех пор как Сяо Синчэнь покинул гору своей наставницы Баошань Саньжэнь, он мечтал лишь об одном — помогать людям и вершить справедливость, не считаясь с положением и властью великих кланов. Но мир смертных оказался куда более жестоким и гнилым, чем он мог представить.

Его роковое расследование дела клана Чан в Куйчжоу обернулось катастрофой. Сяо Синчэнь наивно верил в правосудие, но столкнулся с тем, что жестокого убийцу — молодого и безжалостного Сюэ Яна — открыто покрывал могущественный орден Ланьлин Цзинь ради своих темных целей. Справедливость, которую искал даос, обернулась страшной местью со стороны психопата.

Сюэ Ян не просто сбежал. Он нанес удар туда, где Сяо Синчэню было больнее всего — по его самому близкому другу и названому брату, Сун Ланю.

Безумный преступник ворвался в родной храм Сун Ланя, Байсюэ, хладнокровно вырезал всех его жителей и заклинателей, а самого Сун Ланя ослепил ядовитым порошком, оставив истекать кровью среди трупов.

Сяо Синчэнь никогда не забывал ту разрывающую сердце беспомощность, когда вез умирающего, ослепшего друга на своих плечах обратно к заветной горе. Он на коленях умолял Баошань Сажэнь исцелить Сун Ланя. Но закон бессмертной наставницы был суров: гору нельзя было покинуть дважды. Тогда Сяо Синчэнь принял единственное верное для себя решение. Он тайно пожертвовал собственные глаза другу, чтобы тот снова мог видеть свет, а сам навсегда остался во тьме.

Но вместо благодарности это принесло лишь новую боль. Узнав цену своего исцеления, гордый Сун Лань сломался от чувства вины и гнева. Вспыхнувшая ссора навсегда развела их в разные стороны. Сун Лань ушел, запретив Сяо Синчэню искать встречи.

С тех пор прошло долгих шесть лет. Шесть лет одиноких странствий во тьме, без цели и дома, ведомых лишь зовом меча Шуанхуа, указывающего на присутствие нечисти.

В этот проклятый, утопающий в тумане Город И Сяо Синчэнь пришел совершенно случайно, ведомый своими бесконечными дорогами, даже не подозревая, что судьба только что завязала мертвый узел, столкнув его под одной крышей с тем самым палачом, разрушившим его жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.